

TRAILHEAD

SURVIVORS

NOWHERE
IS SAFE

RUN

18+

Екатерина Никулина

Грань

<https://litres.ru/74300912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Грань между жизнью и смертью — это одна игла.

Профессор хотел вылечить мир. Он уничтожил его. Теперь Ире придётся выживать в городе, где люди теряют человеческое. И где голос в телефоне — единственная нить, связывающая её с прошлым.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	22

Екатерина Никулина

Грань

Пролог

Солнце осветило своими лучами всю комнату. Я открыла глаза и подумала: вот и снова начался новый день. Тяжело вздохнув, я отправилась на кухню сварить кофе — и в этот момент прозвучал звонок.

На экране высветился неизвестный номер. Я нажала «принять».

— Алло.

— Привет, ты дома? — голос был знакомый до дрожи. Мой парень, Данил. Но номер — чужой.

— А это ты. Привет, да дома, а что такое? И ты сменил номер?

Пауза. Слишком долгая для простого вопроса.

— Да, — ответил он глухо. — Не выходи на улицу. Посиди сегодня дома. Я вечером позвоню и всё объясню.

— Данил, ты меня пугаешь. Что случилось?

— Просто сделай, как я прошу. Сейчас к тебе придёт мой хороший друг, ты его не знаешь, но доверься ему и сделай всё, что он говорит.

Связь оборвалась.

Я уставилась на телефон, чувствуя, как в груди разрастается ледяная тяжесть. За окном по-прежнему светило солнце, двор был пуст. Но его голос... он звучал так, будто он бежал. Или прятался.

Я усмехнулась и покачала головой. Ну и шутки у него. В конце концов, я прекрасно знаю его характер — вечно что-то придумает, чтобы напугать.

Я вернулась на кухню и стала наливать воду в чайник. И тут раздался звонок — настойчивый, громкий.

Дз-з-з-ы-ы-нь.

Я вздрогнула и чуть не выронила чайник из рук. Застыв на месте, прислушалась.

Дз-з-з-ы-ы-нь. Снова. И следом — глухие удары ладонью по дереву.

— Ира, открой! Срочно!

Я замерла. Вспомнила голос Данила. Его просьбу. Его предупреждение.

— Ира. — Голос за дверью был низким, спокойным, но с металлической ноткой. — Это Антон. Открой.

Я подошла к двери и прильнула к глазку.

В коридоре стоял высокий широкоплечий парень с тёмными волосами. Лицо спокойное, но взгляд цепкий, жёсткий. Он смотрел не на дверь, а в конец коридора — контролировал пространство за спиной.

— Кто вы?!

— Я видел, что Данил тебе звонил, — сказал он, не пово-

рачивая головы. — Значит, он тебя предупредил.

Он перевёл взгляд на дверь, прямо в глазок. Я даже отшатнулась — будто он видел меня насквозь.

— Я зашёл за тобой, нам надо уходить. — Его голос стал тише, но твёрже. — Если не откроешь дверь, тогда ты останешься одна, без связи и без информации. А Данил, судя по всему, уже не вернётся, чтобы тебя спасти.

Он замолчал. Стоял ровно, не дрожал, не суетился. Просто ждал. И в этой его неподвижности чувствовалось то, что он и правда хочет мне помочь.

Я уже потянулась к ручке двери, когда за окном раздался крик. Пронзительный, женский, он оборвался так же резко, как и начался.

Антон тоже услышал. Его кулаки забарабанили по двери с новой силой.

— Ира! Открывай, чёрт возьми! — голос сорвался на крик.

Тогда я потянулась к замку и повернула его. Антон толкнул дверь и влетел в квартиру, захлопнув её за собой ногой. Он тяжело дышал, но не выглядел загнанным — скорее собранным. Быстро скользнул рукой по замку, проверяя, закрыт ли тот. Прислонился спиной к двери и замер, слушая. На его лице не было паники, только холодная сосредоточенность.

Мы оба молчали. Слышно было, как тяжело бьётся моё сердце. И где-то с улицы, приглушённые стеклом, доноси-

лись звуки — топот, крики, сирена.

— Там...

Он замолчал. Не закончил. Подошёл к окну, осторожно, сбоку, чуть раздвинул штору. Я смотрела на его спину — широкие плечи, напряжённые мышцы под чёрной тканью. Он не выглядел испуганным. Он выглядел так, будто такое уже видел.

— Что там? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Глава 1

Днём ранее —

Утро профессора Павла Сергеевича Волкова началось как всегда — с проверки подопытных мышей. Он любил это время. Лаборатория ещё пустовала, лаборантки не пришли, за окнами кабинета 417 только просыпался город. Тишина. Только ровный гул вентиляции и тихий шорох в клетках. Здесь, среди стерильных столов и пробирок, он чувствовал себя почти творцом. Он знал: он уже совсем близко к открытию. Новый препарат по регенерации клеток — это не фантастика, это вопрос месяцев, а может, даже недель. Организм, способный восстанавливать утраченные ткани за считанные дни. Ампутированные конечности, повреждённые органы, хронические болезни — всё это уйдёт в прошлое. Павел Сергеевич верил в это. Иначе зачем было тратить два года жизни? Он медленно прошёл вдоль стеллажей с клетками. Мыши сновали по опилкам, крутили колёсики, тянули носы к кормушкам. Обычные грызуны, если бы не одно «но»: каждая из них была частью эксперимента. У кого-то удалена селезёнка, у кого-то повреждена печень, у кого-то — как у образца под номером 385 — отсутствовала задняя лапа. Павел Сергеевич остановился у клетки с номером 385 и замер. Мышь вела себя странно. Она не спала, не бегала, не искала еду. Она сидела на задних лапах и... чесала себя за ухом. Задней лапой.

Той самой, которой вчера не было. Профессор моргнул. Наклонился ближе. Сердце пропустило удар.

— Не может быть, — прошептал он.

Он открыл клетку дрожащими руками, осторожно взял мышь в ладонь. Зверёк не вырывался, только дёрнул носом. Павел Сергеевич перевернул её на спину и посмотрел на заднюю левую лапу. Она была там. Полностью сформированная. Розовая, с крошечными пальцами, с коготками. Как будто никогда не была ампутирована.

— Это... это свершилось, — выдохнул он.

Его охватила эйфория. Два года работы, сотни неудач, десятки погибших мышей, уйма потраченных нервов и денег — и вот, результат. Живой, тёплый, дышащий результат. Он держал его в руке. — Наконец-то у меня получилось! — вслух сказал он, и голос его дрогнул. — Я сделал это! Сделал! Он поставил мышь обратно в клетку и бросился к столу за шприцами. Руки тряслись — от волнения, от радости, от нетерпения.

Ему нужно было взять кровь на анализ. Нужно было убедиться. Увидеть своими глазами, что препарат действительно работает на клеточном уровне. Он схватил вакуумную пробирку, тонкую иглу, спиртовую салфетку. Всё делал на автомате — привычные движения, отработанные до рефлекса.

— Ну-ка, красавица, — сказал он, возвращаясь к клетке. — Давай посмотрим, что у тебя внутри.

Он достал мышь, зафиксировал её левой рукой, а правой поднёс иглу к хвосту — самое безопасное место для забора. Мышь дёрнулась. Павел Сергеевич чуть сильнее прижал её к столу.

— Тихо, тихо, сейчас всё сделаем...

Он ввёл иглу. Тонкая, полая, она вошла в вену хвоста с мягким сопротивлением. Кровь потекла в пробирку — тёмная, густая, живая. Профессор сосредоточенно смотрел на шкалу, контролируя объём. В этот момент мышь резко дёрнулась. Сильнее, чем он ожидал. Павел Сергеевич дёрнулся следом, пытаясь удержать её, и игла выскользнула из хвоста. Тонкое остриё скользнуло по его левому указательному пальцу, оставляя тонкий, почти невидимый порез. Капля его собственной крови выступила на коже — и тут же смешалась с каплей мышьиной, оставшейся на игле. Он не заметил этого. Он вытер палец салфеткой и забыл.

— Чёрт! — выругался он.

Он отпустил мышь, та тут же юркнула в угол клетки. Павел Сергеевич поднёс палец к глазам. На подушечке выступила крошечная капля крови. Он провёл по ней спиртовой салфеткой, наклеил пластырь и выбросил иглу в контейнер для острых отходов. Рутинная процедура. Такое случалось с каждым, кто работает с иглами. Но в этот раз он не придал этому значения. Он был слишком счастлив.

— Ерунда, — сказал он вслух, возвращаясь к пробирке с кровью мыши.

— Доза микроскопическая. Даже для мыши не смертельно.

Ему нужно было к микроскопу. Нужно было увидеть. Убедиться. Доказать. Он чуть не бегом добежал до лабораторного стола, вынул пробирку, нанёс каплю крови на стекло, накрыл покровным. Вставил препарат в микроскоп, настроил фокус. В глазах всё плыло от волнения, но он заставил себя дышать глубже.

— Давай, давай... Он посмотрел в окуляр. Потом ещё раз. И ещё. Клетки. Миллионы клеток. Но среди них — те самые. Видоизменённые. Активные. Они делились быстрее, чем обычные. Они горели под светом микроскопа, словно живые искры. Павел Сергеевич отпрянул от окуляра и откинулся на спинку стула. Смотрел в потолок, не в силах вымолвить ни слова. А потом закричал:

— Да!!! Это оно! Голос разнёсся по пустой лаборатории, ударился о стерильные стены. — Я сделал это! Сделал!

Он вскочил на ноги, заходил по комнате, сжимая кулаки. Два года. Два чёртовых года. А теперь он держал в руках не просто пробирку — он держал будущее. Лекарство, которое перепишет биологию. Которое спасёт миллионы жизней. Он сел за компьютер и начал набирать отчёт. Пальцы летали по клавиатуре. Он вбивал результаты анализа, строил графики, записывал наблюдения. Ему нужно было зафиксировать всё, пока эмоции не улеглись, пока он не забыл детали. Он не заметил, как прошёл час. Не заметил, что палец под

пластырем начал слегка покалывать. Не заметил, как поднялась температура. Он списал головокружение на усталость, а лёгкую тошноту — на голод. Выпил кофе, перекусил печеньем и продолжил работать. Он был счастлив. Он был на вершине. Ему и в голову не пришло, что через несколько часов он станет тем, кого сам называл «чудовищем». Ему и в голову не пришло, что крошечная капля его собственной крови, смешавшаяся с мышиной, запустит цепную реакцию, которую не остановить. Он был просто учёным, который сделал открытие. И он не знал, что эта игла только что прочертила грань между миром живых и миром, которого никто не ждал.

Павел Сергеевич вышел из лаборатории, и холодный вечерний воздух ударил в лицо. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Не от холода — от эмоций. Два года он шёл к этому. Два года сомнений, неудач, бессонных ночей. И вот — свершилось. Он сделал это. Он почти бежал до метро, не замечая прохожих, не слыша шума города. Перед глазами всё ещё стояли те клетки под микроскопом — светящиеся, живые, делящиеся с невероятной скоростью. Он переписал законы биологии. Он создал лекарство, которое может изменить мир. В метро ему показалось, что люди смотрят на него странно. Или ему просто казалось. Он отвёл глаза и уставился в чёрное окно вагона, где вместо отражения мелькали тени чужих лиц. Он не хотел, чтобы кто-то видел его сейчас — растрёпанного, с горящими глазами, с пальцем, который всё ещё ныл под пластырем. Но это было мелочью. Главное —

он сделал это. Остальное неважно.

Дома его ждал горячий ужин и любящая жена. Он влетел в прихожую, даже не разувшись, и громко крикнул:

— Я дома!

Из кухни донёсся голос Анастасии — мелодичный, тёплый, такой родной:

— Ой, а я как раз курицу достала из духовки. Ты голоден? Павел Сергеевич не ответил. Он ворвался на кухню, схватил жену в охапку и закружил её в воздухе, прямо посреди запаха запечённой курицы и жареного картофеля. Она засмеялась, обхватила его за шею, её волосы разметались по сторонам.

— Паша! Ты с ума сошёл! Поставь меня!

— Ни за что! — он закружил её ещё раз и только потом аккуратно опустил на пол, тяжело дыша от переполнявших его эмоций. Анастасия откинула волосы с лица и улыбнулась. Она смотрела на него с той особенной теплотой, которая бывает только между людьми, прожившими вместе много лет. Она знала его как никто другой. И уже догадывалась.

— Что-то хорошее произошло, — сказала она не спрашивая, а утверждая. Павел Сергеевич схватил её за плечи, заглянул в глаза. У него перехватывало дыхание, но он выдавил из себя:

— Я сделал это! У меня получилось! Анастасия поняла всё мгновенно. Она поддерживала его весь этот путь — от первых неудачных опытов до ночей, когда он сидел за компью-

тером, потирая воспалённые глаза. Она готовила ему ужин, когда он не мог оторваться от отчётов, и укрывала пледом, когда он засыпал за столом. Она знала, что это значит для него.

— Нет... — выдохнула она. — Правда?

— Правда! — он схватил её за руки, сжал их так крепко, что она чуть поморщилась.

— Мышь 385, Анастасия! У неё выросла новая лапа! Полностью! Я взял анализ, смотрел под микроскопом — клетки делятся невероятно быстро! Это работает! Боже, я не могу поверить! Анастасия рассмеялась от счастья, обняла его и прижалась к груди. Она чувствовала, как гулко бьётся его сердце.

— Паша... какой же ты молодец. Господи, какой же ты молодец. Я знала, я всегда знала, что у тебя получится! Они стояли так несколько мгновений, обнявшись посреди кухни. Она вдыхала запах его лабораторного халата — смесь спирта, дезинфекции и знакомого запаха усталости. На столе остывала курица, за окном уже зажигались огни города. Всё было хорошо. Всё было правильно. Всё было на месте. Анастасия первой отстранилась. Она взяла его лицо в ладони, чтобы поцеловать, и в этот момент замерла.

— Паша... — голос её дрогнул. — Что с твоими глазами? Он моргнул.

— В смысле? — Они красные. Сильно. Словно ты не спал неделю. Павел Сергеевич провёл рукой по лицу, потёр веки.

Он действительно чувствовал лёгкое жжение, но списывал это на усталость и яркий свет микроскопа. Но сейчас, увидев её испуг, он насторожился.

— Наверное, просто устал, — сказал он, стараясь звучать спокойно. Но Анастасия уже не смотрела ему в глаза. Её взгляд скользнул выше — к его лбу. Её руки, всё ещё державшие его лицо, слегка задрожали.

— Паша... у тебя вены набухли. Он провёл пальцами по лбу. Под кожей действительно ощущались плотные, горячие тяжи. Он не замечал этого раньше. Он не чувствовал этого. Но теперь, когда она сказала, он осознал — где-то в глубине черепа начало пульсировать.

— Милый, всё хорошо? — голос Анастасии стал тише. — Ты бледный. У тебя губы синие... Он посмотрел на свои руки. Кожа на пальцах, действительно, отдавала синевой. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Я просто устал, Насть. Честно. Два года, ты сама знаешь. Я не спал нормально уже неделю. Это просто... перенапряжение.

— Паша, — она шагнула назад. Её лицо побелело.

— Я тебя таким никогда не видела. Давай вызовем скорую? Он усмехнулся.

— Я сам врач. Я знаю, что делаю. Иди сюда. Он потянулся к ней, чтобы обнять, но Анастасия инстинктивно отшатнулась — на миллиметр, почти незаметно. Но он это заметил. Она сама это заметила.

— Извини, — быстро сказала она. — Извини, я просто...

— Ты боишься меня? — спросил он. Голос его звучал глухо, невесомо, словно не принадлежал ему. Анастасия открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов из неё вырвался сдавленный звук. Она смотрела в его глаза — красные, с мелкими прожилками, которые только что начали бледнеть, белеть, словно кто-то стирал краски с его радужки.

— Паша... у тебя глаза... они... они... Он моргнул один раз. Второй. Она сделала шаг назад. Ещё один. — Анастасия... Он сделал шаг вперёд. В этот момент она поняла: это не перенапряжение. Это не усталость. Это что-то другое. Что-то страшное. То, чему у неё не было названия.

— Паша, не подходи ко мне, — прошептала она. Но он уже шёл. Медленно. Неестественно. Словно каждое движение требовало от него огромного усилия. Она смотрела в его глаза — и видела, как из них уходит он. Как будто кто-то выключает свет. Секунду там ещё теплилось что-то родное, знакомое, то, за что она выходила замуж двадцать лет назад. А в следующую — только пустота. И белизна. И когда он сделал последний шаг — у неё за спиной оказалась стена. А впереди — человек, которого она любила двадцать лет. Но в его глазах больше не было света. Только белое. Белое, как стены лаборатории, где он случайно укололся той иглой.

Глава 2

Ира и Антон стояли у окна, за которым были слышны вопли и взрывы автомобилей. Но между ними двоими повисла гробовая тишина.

Я и представить не могла, что сегодняшний день перевернёт всё с ног на голову. У меня было слишком много вопросов: что сейчас с Даней? Где он? Что же всё-таки там происходит?

Я смотрела на Антона, пытаюсь найти в его лице хоть какую-то подсказку. Он стоял неподвижно, как каменная статуя, и всматривался в окно. Но я знала — он слышит меня. Он просто не хочет говорить.

— Антон? — мой голос дрогнул.

Он медленно обернулся. В его глазах больше не было того холодного спокойствия, с которым он влетел в мою квартиру. Теперь там была усталость. И что-то похожее на страх.

— Вирус... — сказал он тихо. — Там вирус.

Я моргнула, не веря своим ушам.

— Что? Какой вирус? О чём ты говоришь?

Он открыл рот, чтобы ответить, но передумал. Сжал челюсти, отвернулся к окну.

— Давай я тебе позже всё объясню. Сейчас нам надо уходить.

— Нет! — Мой голос сорвался на крик. — Я никуда не

пойду! Даня мне позвонил и сказал оставаться дома. Он придёт за мной!

Антон шагнул ко мне. Его лицо стало жёстче, но в голосе появились нотки, которых я не слышала раньше — почти мольба.

— Если мы останемся здесь, — сказал он медленно и спокойно — мы долго не протянем. Я обещал ему защитить тебя.

— Я буду ждать его здесь, — упрямо повторила я.

— Ты не можешь... — Антон замолчал. Сделал глубокий вдох, словно набираясь сил. — Он... Лаборатория, в где работал Даня, взорвалась. Профессор, который работал над новым штаммом лекарств, стал странно себя вести. Он напал на свою жену. И после этого Даня всё понял. Он отправился в лабораторию, где уже творился хаос. Видимо, один из образцов вышел из-под контроля. Даня пытался это остановить. Последнее, что я от него услышал — «защищай Иру». И больше он не выходил на связь.

Я смотрела на Антона сквозь пелену слёз и не хотела верить в то, что он говорит. Нет. Нет, нет, нет. Только не Даня. Только не мой Даня, который всегда находил выход, всегда улыбался, всегда говорил, что всё будет хорошо.

Перед глазами мелькали счастливые моменты с Даней. То как мы путешествуем, гуляем по парку, бегаем друг за другом как дети.

Я закрыла лицо руками и начала рыдать. Слёзы текли

сквозь пальцы, горячие, солёные, бесконечные. Всё внутри сжималось от боли. Я не хотела верить. Я не могла в это поверить. Он не мог уйти просто так. Не мог оставить меня одну.

— Пойдём, — тихо сказал Антон.

Я подняла на него заплаканные глаза. Он стоял рядом, терпеливо ждал. Его рука легла на моё плечо — тяжёлая, уверенная, но я чувствовала что в ней нет грубости.

— Нам надо уходить, — повторил он. — Доверься мне.

Я смотрела в его глаза. В них не было обмана. Только правда, которую я боялась принять.

Я молча кивнула.

— Собирайся, — сказал он. — Бери только самое нужное.

Я бросилась в комнату, вытирая слёзы рукавом. Открыла шкаф, вытащила рюкзак — старый, походный, который мы с Даней покупали для путешествий. Закинула туда паспорт, деньги, бутылку воды, пачку печенья. В кладовке нашла фонарь и верёвку. В аптечке собрала самое необходимое. Всё, что могло пригодиться.

И тут мой взгляд упал за дверь. Там, в углу, стояла бейсбольная бита. Та самая, которую Даня подарил мне год назад.

— Возьми, — сказал он тогда, со своей фирменной улыбкой. — Вдруг когда-нибудь пригодится. И ты придёшь с ней спасать меня.

Я тогда рассмеялась и сказала, что он дурак. А он только подмигнул.

Я взяла битую в руки. Она была тяжёлой, холодной, но в ней чувствовалась сила. Словно Даня передал мне частичку своей решимости.

Я вытерла слёзы и повернулась к Антону.

— Я готова.

Он кивнул и подошёл к двери. Прежде чем выйти, он посмотрел в глазок, прислушался. Долго, внимательно, не дыша. Наконец, поняв, что за дверью никого нет, он медленно повернул ручку.

— За мной, — прошептал он.

Антон открыл дверь и шагнул в коридор. Я последовала за ним — и замерла.

Все стены, все ручки дверей, даже пол — всё было в крови.

Тёмной, липкой, уже начинающей подсыхать. Она была везде. На стенах, полу, на почтовых ящиках. Рядом с соседней дверью лежал чей-то мобильный телефон, разбитый, в красных пятнах. Дальше по коридору валялась женская туфля. Одна.

Мне стало страшно.

По-настоящему страшно. Не от криков за окном, не от слов Антона, не от мысли о том, что Даня пропал. А от этого запаха. От этой тишины. От того, что коридор, который я видела каждый день, теперь выглядел как декорации к фильму ужасов.

Я прижала битую к груди и пошла за Антоном, стараясь не

смотреть по сторонам. Но я слышала — шаги соседей сверху, чей-то сдавленный плач за дверью квартиры, а где-то внизу, на первом этаже, хриплый, нечеловеческий звук. Кто-то дышал. Тяжело. С влажным присвистом.

Антон поднял руку, подавая знак остановиться. Я замерла.

Он медленно подошёл к повороту лестницы, выглянул за угол — и застыл. Секунду он стоял неподвижно, вглядываясь вниз. Потом медленно, обернулся ко мне и сказал — Бежим.

Глава 3

Мы побежали. Антон рванул вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и я бросилась за ним, даже не успев испугаться. В ушах стучала кровь, лёгкие горели от первого же вдоха.

Из-за того что я бежала, не глядя под ноги, я споткнулась. Сначала я даже не поняла, обо что, но тут мой взгляд упал на это, и я оторопела.

Это был труп. Но живой.

Он изворачивался на спине, ноги были переломаны под неестественным углом, из шеи текла кровь. Но она была тёмной и густой, не такой, как у обычного человека. В момент пока я его разглядывала, он заметил меня. Его голова дёрнулась, глаза — белые, без зрачков — уставились прямо на меня. Он уже тянул свои зубы к моей ноге, чтобы укусить.

Я закричала — не от боли, от ужаса.

И тут подбежал Антон. Со всей силы он ударил этого человека — если его ещё можно было так назвать — ногой по лицу. Раздался глухой хруст. Тело дёрнулось и затихло.

Антон схватил меня за руку, рывком поставил на ноги.
— Быстрее! — крикнул он.

Мы снова побежали. Вниз, по лестнице, через ступеньки, через лужи крови. Я не чувствовала ног, не чувствовала страха — только адреналин. Только одно желание: не от-

стать, не упасть, не остаться здесь.

Несколько часов назад

Мне позвонили из лаборатории и сказали, что профессор не вышел сегодня на смену. Это было странно. Павел Сергеевич никогда не опаздывал, никогда не пропускал рабочие дни. Он жил своей работой. Я сразу почувствовал неладное.

Я отправился к нему домой.

И пришёл в ужас.

Ручка двери была в крови. Когда я зашёл в квартиру, всё внутри — стены, пол, мебель — было в крови. Повсюду. Свежей, липкой, уже начинающей засыхать. Я попятился назад и уткнулся спиной в стену. В голове пульсировала только одна мысль: что здесь произошло?

Я набрал номер 112, но не стал дожидаться полицию. Что-то внутри подсказывало: это не просто преступление. Это связано с лабораторией. С препаратом. С тем, над чем мы работали последние два года.

Я сразу отправился в лабораторию.

Когда я пришёл в лабораторию, я оторопел. Клетки валялись везде. Всюду была кровь. Всё как в квартире Павла Сергеевича. Только хуже. На стенах — следы от рук. На полу — разбитые пробирки. В воздухе — запах гари и чего-то сладковатого, тошнотворного.

Я сразу понял: эксперимент вышел из-под контроля.

В этот момент я принял решение. Единственное правиль-

ное. Я позвонил Антону. Мы служили вместе, я знал — в такой ситуации только он сможет защитить Иру.

— Алло, — ответил он. — Давно не слышал тебя, друг. Как дела?

— Антон, времени мало, — сказал я, стараясь говорить спокойно, хотя голос предательски дрожал. — Отправляйся на квартиру к моей девушке. Адрес я скину сообщением. Дело плохо. Научный эксперимент вышел из-под контроля. Защищай её любой ценой.

— Даня, что случилось? — он пытался что-то спросить, но я скинул трубку.

Я должен был предупредить Иру. Быстрее. Пока не поздно.

Я набрал её номер, услышал знакомое «Алло» и выдохнул. Она жива. Пока жива. Я говорил быстро, отрывисто, стараясь не напугать её. Но она всё равно испугалась — я слышал это в голосе. Я сказал ей не выходить из дома, ждать Антона. И повесил трубку.

В тот момент я услышал звук за спиной.

Кто-то крался ко мне.

Я медленно обернулся — и замер.

Это была наша лаборантка, Марина. Но она выглядела не как живой человек. Она выглядела как мёртвая. На её теле были трупные пятна. Левая рука отсутствовала — висела на одном сухожилии. Кожа была серой, в тёмных разводах крови. Она смотрела на меня пустыми белыми глазами, раскры-

ла рот и издала хриплый, нечеловеческий звук.

Я попятился.

— Марина... — прошептал я.

Но она не узнала меня. Она шагнула вперёд.

Я начал бежать. Она бросилась за мной. Я хватал всё, что попадалось под руку — стул, пробирки, штатив — и швырял в неё, пытаясь остановить. Но она не останавливалась. Она шла, хромая, но неумолимо.

И вдруг я заметил за ней ещё нескольких. Они выходили из тени, из коридоров, из кабинетов. Их были десятки. И все они смотрели на меня белыми глазами.

Я понял это в тот момент окончательно.

Это не просто вирус.

Это зомби.

Я побежал к выходу, не разбирая дороги. Я бежал, не чувствуя ног. Сердце колотилось где-то в горле, и в голове стучала только одна мысль: только бы успеть. Только бы выжить. За спиной я слышал их — топот, хрипы, влажные звуки шагов по разбитому стеклу. Они приближались. Я не оглядывался. Я просто бежал, выбивая плечом двери, сметая со столов пробирки и бумаги. В лёгких горело. В ушах стучало.

И вдруг — ослепительная вспышка сзади.

Сначала я ничего не понял. Только свет — белый, режущий, заполнивший всё вокруг. Потом звук. Гулкий, низкий, который шёл не через уши, а через кости. Он ударил меня в спину, подбросил в воздух, швырнул вперёд, как тряпичную

куклу.

Я ударился головой о стену. Или о пол. Или о землю. Я не понял. Потерял ориентацию. В ушах стоял непрерывный звон, перед глазамиплыли цветные круги. Я попытался встать, но ноги не слушались. Только чувствовал, как по лицу течёт что-то тёплое и липкое.

Над головой клубился чёрный дым. Где-то вдалеке выла сирена.

А потом — темнота.

Антон ехал по дороге к дому Иры, когда небо за его спиной окрасилось в оранжевый цвет.

Он не сразу понял, что произошло. Сначала услышал звук — низкий, гулкий, похожий на раскат грома. Потом увидел, как в зеркале заднего вида на горизонте поднимается чёрный столб дыма. Лаборатория. Та самая, где работал Даня. Она горела.

Сердце пропустило удар. Он нажал на газ, вжимая педаль в пол, хотя понимал: если Даня был там — он уже не успевает. Телефон завибрировал — сообщение от Данила с адресом. Антон мельком взглянул на экран, запоминая улицу и номер дома, и убрал телефон в карман. Он должен успеть. Он обещал.

Через пять минут он был у её подъезда.

В текущей момент:

Мы выбежали из подъезда. Солнце слепило глаза, и я на мгновение зажмурилась, пытаясь привыкнуть к свету. Антон стоял рядом, сжимая в руке нож, оглядывая двор.

Я посмотрела на улицу.

И поняла: это конец.

Всё, что я знала, всё, что любила, всё, во что верила — рухнуло за один день. Везде были люди. Вернее, то, что от них осталось. Они бродили по двору, по дорогам, по газонам, и их глаза были белыми, а движения — неестественными.

Антон взял меня за руку и посмотрел в глаза. В его взгляде не было паники — только холодная решимость.

— Нам надо идти, — сказал он тихо, но твёрдо.